

КСЕНИЯ КОРНИЛОВА



падающая  
БАШНЯ

ОГНЕМ НА ОГОНЬ



  
ЧЕРНЫМ  
БЕЛО  
МОСКВА





КСЕНИЯ КОРНИЛОВА



падающая  
БАШНЯ

ОГНЕМ НА ОГОНЬ



  
ЧЕРНЫМ  
БЕЛО  
МОСКВА

УДК 821.161.1-312.9  
ББК 84(2Рос=Рус)6-44  
К67

Иллюстрация на переплете, форзаце и нахзаце  
*Маши Морква*

Иллюстрации *Анастасии Корепановой*

Дизайн переплета *Екатерины Петровой*

**Корнилова, Ксения.**

К67 Падающая башня. Огнем на огонь / Ксения  
Корнилова. — Москва : Эксмо, 2025. — 384 с. : ил.

ISBN 978-5-04-213359-6

Леони Жервиль — восемнадцать. У нее разноцветные глаза, нескладная тощая фигура и оттопыренные уши. Ах да, еще она сирота и ей совершенно нечего терять. Ведь ничего по-настоящему своего у Леони нет.

Но однажды Леони осознает: что-то очень важное связывает ее с огнем. Оно сильнее, чем необъяснимый страх и любопытство. Сильнее, чем желание стать артисткой огненного шоу. Сильнее, чем внезапно вспыхнувшая любовь.

А значит, будет путешествие в таинственный мир. Исполинская башня Дженга, блоки которой сложены из стихий. И тайна пожаров, внезапно охвативших мир людей...

УДК 821.161.1-312.9  
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-213359-6

© Корнилова К., текст, 2025  
© Оформление. ООО «Издательство  
«Эксмо», 2025

# 1

## ЗАВТРАКАТЬ БУДЕШЬ?

Широкие штанины, заправленные в полосатые бело-синие гольфы, топорщились на коленках и мешали крутить педали. Зато ими, как сачком, удобно было ловить случайных зазевавшихся насекомых, даже бабочек, если забыть про то, что тебе уже давно не десять, съехать с дороги и пуститься напрямую через поля, заросшие травой и мелкими, слезящимися на солнце цветами.

Леони Жервиль никуда не торопилась, но гнала велосипед из последних сил. Тонкая мешковатая рубашка намокла под мышками, над верхней губой выступила капелька соленого пота и исчезла на кончике языка, тут же спрятавшегося за ровным рядом зубов с зернышками клубники у самых десен.

Впереди показалось поле — широкое, усеянное желтыми цветами. Именно там обитали жирные ядовито-зеленые гусеницы, торопливые муравьи, почти прозрачные, белоснежные бабочки с тонкими невесомыми крыльями, пугливые неповоротливые улитки и мириады суетливой мошки, так и норовящей забиться в нос, рот, глаза и даже уши. Целый мир, скрытый от взора равнодушных, которые никогда

не решались перешагнуть узкий овраг и погрузиться в море высокой острой травы.

Велосипед остановился — руль резко ушел вправо, заднее колесо перестало вращаться и пропорол влажную после дождя борозду в успевшей высохнуть только сверху под утренним солнцем придорожной пыли. Леони смахнула прядь, выбившуюся из зализанных назад коротких каштановых, чуть волнистых волос, летом отливающих рыжиной, почесала усыпанный веснушками, словно крошкой красного кирпича, нос и протяжно выдохнула нагретый жаром тела воздух через сложенные трубочкой тонкие губы. По дороге безопаснее, но если свернуть здесь и ломануться через поле, чуть влево до самой речки, то можно сэкономить несколько минут.

— Ты куда-нибудь торопишься? — спросила она невидимого кого-то и тут же за него ответила: — Я никуда не тороплюсь. Пам-пам-пам...

Решено. Велосипед, ведомый уверенной рукой, скатился в овраг, подпрыгнул на кочке и вынырнул по другую сторону в высокой траве. Было видно только склонившуюся к рулю спину.

Уже через десять минут Леони была на месте — на самой окраине города, куда не ходили автобусы, у двухэтажного здания, когда-то очень давно выкрашенного темно-серой краской. Город выглядел так, словно здесь не жил самый выдающийся — из тех, кого ей удалось повидать, — мастер-стеклодув, из-под рук которого выходили такие диковинные безделушки, что посмотреть на них слетались все школьники их небольшого городка.

— Пам-пам-пам, — привычно промурлыкала девушка, бросила велосипед у проселочной дороги, совер-

шенно не заботясь о том, что кто-то может на него покуситься, и, поднявшись по ступенькам на неустойчивое крыльцо, коротко постучала в дверь костяшками пальцев.

Замереть, прислушаться, податься вперед, почти касаясь оттопыренным чуть больше положенного ухом шершавой поверхности двери. Тишина. Только слышно, как гудит огонь в печи и тихо шепчет пластинка, затертая почти до дыр.

— Мсье Этьен, это Леони, — протянула девушка под скрип открывающейся двери и пробурчала под нос: — Как будто он меня замечает!

Из прихожей тянулся длинный коридор. По правую сторону располагалась всего одна дверь — вход в мастерскую, где плавилось, кипело, податливо гнулось стекло под бережными руками Этьена Ле Гро. По левую сторону шли одна за другой комнаты: крошечная кухонька, темный чулан и ванная.

— Мсье Этьен, — повторила Леони, ступая на рассохшиеся, вытопанные до плоских борозд доски.

Раздался скрип. Девушка подскочила на месте, уставилась себе под ноги и только сейчас заметила, что забыла выправить штанины хлопковых светло-серых брюк, купленных в местном секонд-хенде неделю назад.

Нервные пальцы скользнули вниз — поздно.

— Леони? — Хриплый голос заставил замереть.

Выпрямившись, Леони вытянулась в струнку и сразу почувствовала, как ноет привыкшая сутулиться спина и как хрустят позвонки, вставая наконец каждый на свое законное место.

— Ой, — не удержалась девушка и тут же прикрыла рот ладошкой, перепачканной соком клубники. — Мсье...

— Завтракать будешь? — вместо приветствия спросил Этьен, внимательно разглядывая Леони.

Ему было чуть за сорок. Длинное, даже долго-вязое, поджарое загорелое тело в мелких шрамах от ожогов, зачесанные набок волосы, спадающие на лоб влажными прядями, сухие, обветренные постоянным жаром печи губы.

Они познакомились около двух лет назад, когда Леони вместе с группой из сиротского приюта, где жила с рождения, приехала в эту самую мастерскую посмотреть, как из стекла и огня являются миру шедевры. Подаренный тогда маленький, с фалангу мизинца, дымчато-синий кит до сих пор лежал в потайном кармашке рюкзака.

— Буду, — кивнула девушка и порадовалась, что не умеет, как некоторые белокожие барышни, заливаться алым румянцем — лицо, покрытое стайками темно-рыжих веснушек, хранило эмоции от чужих любопытных глаз.

Толстые ломти хлеба, пропитанные смесью яиц с корицей и карамельным сахаром, поджаренные и щедро намазанные сливочным маслом, огромная сковорода яичницы-глазуньи и маленькая баночка чуть заветренного паштета из гусиной печени. Этьен налил себе чашку кофе, добавил щедрю порцию молока и посмотрел на незваную гостью:

— Будешь?

— Ага, — заулыбалась Леони. Примостилась на стуле с высокой спинкой, опять заметила заправленные в гольфы штанины и наспех высвободила помятую ткань, украдкой бросая взгляды на мужчину напротив.

— Я думал, ты уже не приедешь, — ухмыльнулся Этьен, заметив нервные манипуляции. Прозвучало,

будто он не просто так думал, но еще и надеялся на это.

Леони схватила кусок хлеба, запихала в рот и начала жевать, жестами давая понять, что не может говорить.

Да и кто захочет рассказывать, что с утра снова горе-соседи – такие же выходцы из детдома – устроили пьяную драку. В итоге один из них, парень лет двадцати, перелез через балкон, пытаясь что-то доказать друзьям, но сорвался и упал на бетонный козырек, с внешней стороны увитый плющом, а с верхней закиданный окурками и осколками бутылок. Приехала скорая, полиция. Последние лениво опрашивали тех, кто не побоялся открыть дверь, особо не стараясь что-то узнать (дом, приютивший детей-сирот, давно дурно прославился на весь район), а первые наспех упаковывали в черный мешок окровавленный труп. Одно хорошо – в подъездном коридоре встретилась соседка, совсем старая бабушка, и угостила свежей клубникой, чуть подгнившей, но зато сладкой.

– Пам-пам-па-пам, – напевала Леони, запивая хлеб кофе, разбавленным молоком. Хотелось залезть еще в банку с паштетом, но желудок уже предательски распирало.

Этьен к еде практически не притронулся. Выпил чашку кофе, залез в сковородку пальцем, соскреб растекшийся, успевший подсохнуть яичный желток и задумчиво облизал. Леони уже выучила этот взгляд: мастер размышлял об очередном стеклянном детище, которому суждено будет простоять на полке пару месяцев в надежде, что его кто-то купит, чтобы потом опять отправиться в печь.

— Доедай и приходи, — буркнул мужчина и вышел, не оглянувшись.

— Доедай и приходи, — передразнила Леони одними губами, чтобы, не дай бог, не услышал, и поторопилась последовать за ним.

Она навевдалась сюда практически каждые выходные по утрам: помогала мыть стеклянные бутылки, собранные ею же на городских свалках, а потом долго сидела, забившись в пыльный угол мастерской, откуда открывался отличный вид на пламя в узкой печи, но при этом было достаточно безопасно. Огонь пугал и завораживал.

Вода была ледяной, и скоро пальцы перестали что-то чувствовать и двигаться. Отставив только что вымытую бутылку на специально приспособленную сушилку, Леони быстро обернулась, желая удостовериться, что Этьен полностью погружен в свое занятие, и прошмыгнула в коридор — ее манил недоеденный кусочек хлеба и заветренный паштет.

«Если повезет, в холодильнике осталась та банка варенья...»

Чуть забродившее варенье из кислых яблок как нельзя лучше подошло к сладковатой булке и слегка пересоленному паштету. Зажмурившись от удовольствия, Леони замычала, стараясь жевать медленно, чтобы насладиться минуткой блаженства.

— Пам-па-па-пам, — мурлыкая себе под нос, Леони помыла посуду и впервые за день посмотрела на часы — почти полдень.

У нее есть еще час или два, а потом нужно будет снова впихивать штанины в бело-синие гольфы и мчаться на другой конец города, где она время от времени подрабатывала моделью, то позируя в новой

коллекции одежды для каталога, то размазывая по лицу зубную пасту для рекламной акции. Некоторые говорили, что, живи она в большом городе, могла бы стать звездой: тощее, длинное, почти без внешних половых признаков тело вкупе с нестандартным наивно-детским лицом, покрытым веснушками, насмешливыми глазами разного цвета и забавно оттопыренными ушами могло приносить миллионы. Но Леони только улыбалась или — реже — смеялась над такими рассуждениями, полагая, что очередной фотограф просто хочет залезть к ней в трусы. Хотя реальных желающих находилось не так много, а потому девушка умудрилась остаться чуть ли не единственной в мире, кто даже не целовался в недавно стукнувшие восемнадцать лет. Ну не считать же за настоящий поцелуй жалкую попытку одного из одноклассников облизнуть ей подбородок!

— Мсье Этьен! Я ушла!

Прошло уже больше двух часов, Леони опаздывала. Наспех закинув штанины в гольфы, она села на велосипед, в последний раз с сожалением взглянула на покрашенный темно-серой краской дом и резко крутанула педали, стараясь нагнать выжженное огнем время.

\* \* \*

Яркий свет бил в глаза, но щуриться нельзя: иначе проторчишь здесь еще пару часов, только прежде выслушаешь от раздраженного фотографа, какая ты все-таки «бездарность».

В фотостудии было душно. Маленькое пространство с белыми стенами явно не предназначалось для такого количества народа и еще большего количе-

ства ламп. Переодеваться приходилось здесь же, под внимательными и жадными взглядами собравшихся поглазеть парней, мнящих себя профессионалами, а на деле — просто любителей обнаженных женских тел. Правда, увидев совершенно плоскую грудь и едва округлившиеся лишь для того, чтобы не спадали брюки, бедра Леони, многие теряли интерес.

На Леони было короткое узкое черное платье, усыпанное пайетками, и клетчатый пиджак размеров на десять больше — он доходил девушке почти до колен, раздувал узкие плечи и полностью скрывал рукавами кисти до кончиков пальцев. Босые ноги, тощие и длинные, выглядывали из-под него слегка чудаковато. Но сильнее всего, до неузнаваемости, менялось лицо: подведенные толстым черным карандашом глаза, густо намазанные ресницы, зачесанные на гель, казавшиеся угольными волосы, ярко-красная помада, от которой тонкие губы превратились в ниточки. В такой Леони с трудом можно было узнать ту девчонку, которая ловила насекомых в широкие штаны, рассекая поле высокой травы на стареньком велосипеде.

— Ты сегодня мертвая, Клео.

«Леони», — преисполненная равнодушием, машинально поправила девушка в своих мыслях.

— Что мне сделать? Налить тебе? Эй, Габби, налей этой...

Не сумев подобрать нужного слова, фотограф так эмоционально зажестичулировал, что чуть не запутался в собственных руках и даже вроде как удивился, увидев в них камеру.

Принесли пластиковый стаканчик с дешевой водкой. Чувствуя, что ее сейчас вырвет от одного запаха,

и мысленно радуясь, что так ничего и не ела после того последнего кусочка хлеба с паштетом и кислым яблочным вареньем, Леони поморщилась, аккуратно взяла стакан за промявшиися под пальцами бока, выдала благодарную улыбку и отставила пойло в сторону.

— Я в порядке, Франсуа, — крикнула она в спину раздосадованному фотографу, уже закусывающему содержимое своего стакана шоколадной конфетой из неизвестно откуда появившейся здесь еще в прошлом месяце коробки.

— Давай, начали, — осипшим от водки голосом прокричал Франсуа и поднес камеру к лицу. — О, так-то лучше. Ты самое удивительное создание, которое я видел, малышка.

Хлопнула дверь, сквозняк принес в фотостудию желанный свежий воздух, и Леони прикрыла глаза и потянула носом, вытягиваясь вперед навстречу свободе.

— О! Замри! Не шевелись! На меня. Чуть-чуть поворот влево. Да, вот так. Отлично, на сегодня все.

Леони привычно ссутулила спину и липкими потными пальцами размяла уставшие от натянутой улыбки мышцы лица.

— Привет.

Робкий голос заставил вздрогнуть.

В дверях стоял Стивен — друг и сосед. Он, кажется, писал, что хочет зайти за ней на студию (исключительно потому, что будет проходить мимо именно в это время) и отвести в кино на очередной фильм про супергероев. «Или, хочешь, пошли на мелодраму».

Леони приветливо заулыбалась, помахала рукой и, подхватив так и нетронутый стакан водки, унеслась

за увешанный одеждой стеллаж, чтобы переодеться в широкие, к вечеру становившиеся уже неприлично мятыми брюки и пропахшую потом рубашку. Не хотелось идти домой, а потому предложение купить по ледяному лимонаду и взять самое большое ведро сырного попкорна стало звучать очень заманчиво. И было все равно, супергерои будут на экране или сопливые страдания очередной дамы, обьятой пламенем неразделенной любви.

Стивен что-то бормотал, пока катил ее велосипед к кинотеатру, а Леони пялилась по сторонам, увлеченная яркими нарядами девушек, спешивших на свидание или встречу с друзьями.

— Ты никогда не думал, что не принадлежишь этому миру?

Вопрос Леони застал врасплох даже ее саму.

— Что? — очнулся от полудремы Стивен.

Девушка посмотрела на него, словно видела впервые. Такой же высокий и худой, как она, с вечно взъерошенной копной волос. Стивен был, пожалуй, симпатичным, вот только она ничего не чувствовала к нему. Но сейчас подумала, что совсем его не знает, хотя они росли вместе и дружили лет с пяти после катастрофы, унесшей жизни его родителей.

— Ну смотри. Все такие красивые. Нарядные. Куда-то идут.

— Мы тоже куда-то идем, — возразил Стивен. — И ты... тоже красивая.

— Нет. Ты не понимаешь. — Она уже пожалела, что завела этот разговор. — Многим повезло родиться в нормальной семье, где есть... хотя бы понимание, что такое здоровые отношения. Им не страшно вот так бежать на свидание вслепую, например.